

Эта работа написана давно, в самом начале 2007 года. Как заключение задуманного триптиха. Первая часть: Ахматова и Блок («Новый мир», 1998, «С ней уходил я в море...»). Вторая: Ахматова и Модильяни («Дружба народов», 2006, «В черноватом Париж тумане»). Статью в принципе одобрили, правда, решили с публикацией повременить в связи со скандалом, вызванным появлением вздорной и наглой «Анти-Ахматовой», сочиненной «таинственной незнакомкой» Тamarой Катаевой. Месяца два-три, не больше. Антиахматовский ажиотаж однако не затихал, и я по предложению Льва Аннинского ее все-таки опубликовала. Не в России, конечно. В Болгарии, в юбилейном двуязычном издании, посвященном 60-летию литературоведа Ивайло Петрова. Открывалось оно, кстати, его же, Аннинского, статьей «Из наблюдений над молодой русской прозой», которую, помнится, Л. А. включил и в очередной сборник собственных журнальных публикаций. Я этого не сделала. В наивной уверенности, что теперь, когда Николай Гумилев литературно реабилитирован, усилия Ахматовой, а следственно, и мои, не интересны, как «цветы запоздалые». Всем и так все ясно. Оказалось, что это не так. Оказалось, что Гумилев просто-напросто исключен не только из героев, но и из персонажей главной ПОЭМЫ Анны Всея Руси.

Дмитрий Быков, к примеру, утверждает, что Поэма вообще безгеройна, «хотя версий было много, и в том числе экзотических». А в подтверждение своего «сюр-экзотического» истолкования ссылается на авторитет покойного Льва Лосева. Дескать, «этот не только первоклассный поэт, но и отличный филолог видел в названии аббревиатуру ПБГ, то есть Петербург. Однако, думаю, всё еще проще: общество, в котором нет героя и упразднено само понятие героического, обречено на великие потрясения, во время которых герою еще только предстоит родиться. В этом смысле поэма Ахматовой сейчас, в наше принципиально негероическое время, актуальна донельзя». Мнимые парадоксы Быкова можно и пропустить мимо ушей. Но они, к сожалению, популярны, а в силу популярности влиятельны. И не только в читательской среде. Даже дельный и умный критик Юрий Беляков биографию Льва Гумилева умудрился выстроить так, как если бы в его метрике вместо имени матери стоял прочерк. Этакая зияющая пустота. На это намекает и название книги: «Гумилев — сын Гумилева». Чтобы помочь молодым читателям «Юности» пробиться сквозь вольную и невольную кривду, я и решила опубликовать и в любимом журнале не неизвестный в России «стародавний» текст.

Алла Марченко